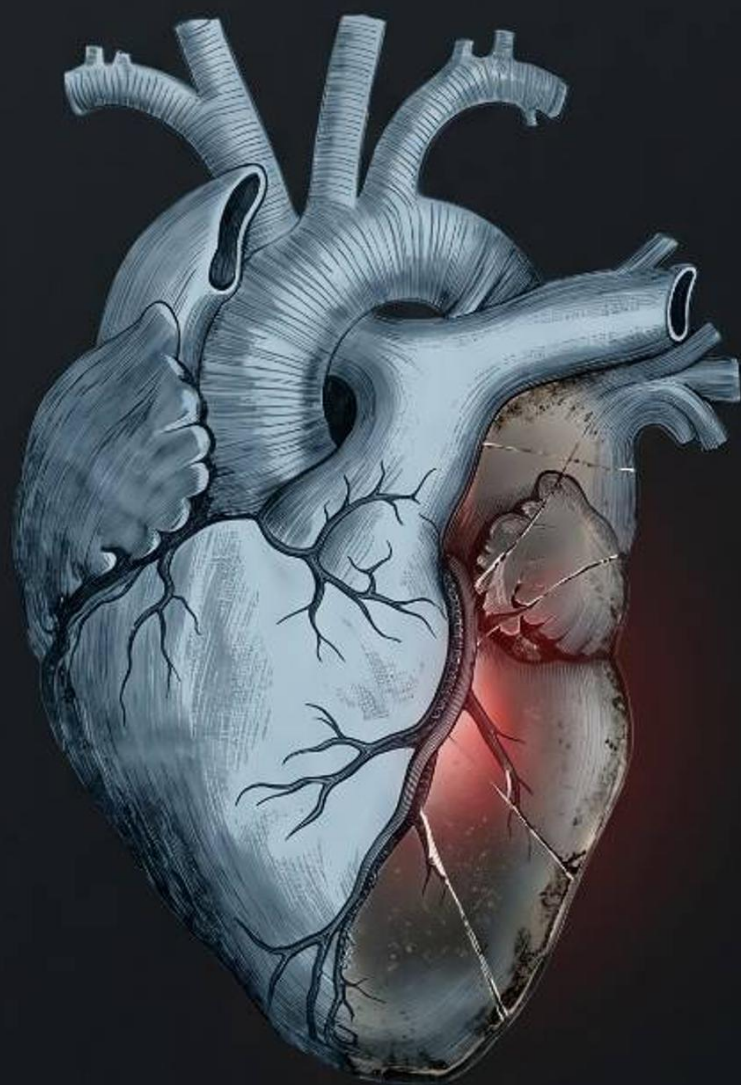


# НЕ ТО ЧТО КАЖЕТСЯ

*две повести*



СЕРГЕЙ КРАСНОВ

Сергей Краснов  
**Не то, что кажется**

«Автор»

2026

## **Краснов С. В.**

Не то, что кажется / С. В. Краснов — «Автор», 2026

Что, если ты всю жизнь принимал любовь за инфаркт, а страх за грипп? Две повести о людях, которые перепутали диагноз собственной жизни. И едва не заплатили за ошибку всем. Газлайтинг, манипуляции, абьюз и тонкая, почти медицинская точность в описании того, как нас ломают «из любви». Две истории о том, что мы редко видим то, что прямо перед нами. Особенно — в себе. Эта книга — для тех, кто: # - узнал себя в токсичных отношениях, или боится узнать; # - любит психологические триллеры с финалом, от которого холодеет спина; # - ценит умную прозу, которая бьёт точно в нерв; # - не может оторваться, пока не дочитает последнюю строчку. Не то, что кажется. Откройте и проверьте, насколько хорошо вы знаете собственное сердце.

© Краснов С. В., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Дифференциальный диагноз	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Сергей Краснов**  
**Не то, что кажется**

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

## **Дифференциальный диагноз**

**\* \* \***

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### Симптом

Лев Борисович Гользин впервые заподозрил у себя инфаркт во вторник, в 14:47, в очереди за капучино.

Он зафиксировал время — он всегда фиксировал время, это была профессиональная привычка, въевшаяся за двадцать два года в операционной, где «когда» иногда важнее, чем «что». 14:47. Грудная клетка сжалась. Больно не было — это он отметил сразу, с холодной точностью, — грудь сдавило, как будто кто-то медленно затягивал ремень вокруг рёбер, на одно деление, потом ещё на одно. Левая рука осталась нормальной. Челюсть не отдавала. Холодного пота не было.

«Не инфаркт», — заключил он с лёгким, почти разочарованием. Инфаркт был бы понятен. Он знал что с ним делать.

Затем он поднял глаза и увидел, что давление в грудной клетке усиливается ровно в тот момент, когда девушка за стойкой — новая, он её раньше не видел — поворачивается к нему и спрашивает:

— Вам как обычно?

Откуда она знает его «как обычно»? Он здесь второй раз в жизни. Он зашёл в эту кофейню напротив клиники только потому, что в той, в которую он ходит обычно сломалась кофемашина, о чём, собственно, висело объявление, написанное от руки, с орфографической ошибкой в слове «извините» (через «е»), и эта ошибка задержала его на лишних четыре секунды, ровно настолько, чтобы он опоздал к своему обычному автобусу и зашёл сюда.

— У меня нет обычного, — сказал Лев Борисович. — Я здесь второй раз.

— Капучино, средний, две трети молока, корицу не надо, — сказала она, уже включая машину. — В прошлый четверг. Вы ещё спросили, почему у нас сахар в пакетиках, а не в сахарнице.

Грудная клетка сжалась сильнее. На два деления сразу.

Лев Борисович был человеком исключительного ума и такой же исключительной эмоциональной безграмотности — сочетание, которое в его профессии не только не мешало, но считалось достоинством. Он оперировал сердца. Чужие. В буквальном смысле он держал в ладонях орган, который вся поэзия мира назначила вместилищем любви, тоски, нежности, — держал, шил, латал, и не видел в нём ничего, кроме насоса. Хорошего, сложного, четырёхкамерного насоса с электрической проводкой. Поэты ошибались, считал он. Сердце ничего не чувствует. Сердце качает кровь. Чувства — где-то в другом месте, и где именно, его никогда особенно и не интересовало.

— Спасибо, — сказал он, забирая стакан. И добавил, потому что давление в груди требовало объяснения, а он не терпел необъяснённого: — У вас хорошая память.

— Профессиональное, — сказала она. — Я раньше работала в неврологии. Медсестрой. Там надо помнить, кому какое лекарство и в каком часу, иначе человек умрёт. Привычка осталась.

— Где?

— Что — где?

— В какой неврологии.

— А вы кто, проверяющий? — Она прищурилась, но не зло, а с любопытством. — Третья городская. Отделение неврологии. Уволилась полгода назад.

— Я из Второй кардиохирургической, — сказал Лев Борисович. — Через дорогу.

— Знаю, — сказала она. — У вас на бейджике написано. «Гользин Л. Б., заведующий».

Он опустил глаза. Бейдж действительно был на нём — он забыл снять его, выходя, что случилось с ним крайне редко, потому что снимать бейдж входило в его выходной ритуал, такой же неукоснительный, как мытьё рук перед операцией. Сегодня ритуал дал сбой.

Он посмотрел на её бейдж. «Майя».

— До свидания, Майя, — сказал он.

— До свидания, Гользин Л. Б.

И он вышел, неся капучино и сжатую грудную клетку, и думал по дороге, что надо бы сделать ЭКГ.

\* \* \*

ЭКГ он сделал в тот же вечер, в клинике, сам себе, после смены. Прицепил электроды, запустил аппарат, посмотрел на ленту.

Синусовый ритм, 72 удара. Идеально. Сердце сорокасемилетнего мужчины, который не курил, не пил сверх меры, бегал по утрам и регулярно проверялся. Образцовый насос.

— Странно, — сказал Лев Борисович вслух, в пустой кабинет.

Грудную клетку все сжимало. Он это чувствовал. Ощущение было реальным, как реальна температура или голод. Но, прибор не находил причины. А Лев Борисович верил приборам больше, чем себе. Себе он, в каком-то смысле, не верил вовсе — точнее, у него не было привычки прислушиваться к себе как к источнику информации. Информация поступала снаружи: из анализов, из снимков, из мониторов. Внутри был он, Лев Борисович, оператор, который обрабатывает внешнюю информацию. А что там, внутри самого оператора, — это ведь не данные. Это фон

И вот вдруг, фон стал громким.

Он завёл файл. Настоящий файл, в ноутбуке, как заводил на сложных пациентов. Назвал нейтрально: «Состояние». Записал:

Вторник, 14:47. Сдавление в грудной клетке. Не ишемия<sup>1</sup> (ЭКГ норма). Не паника (нет тахикардии, нет страха). Провокатор:?

Он любил вопросительные знаки, поставленные в нужном месте. Хороший вопрос — это половина диагноза. Что было провокатором? Может кофе? Он пил кофе двадцать лет, кофе не провоцировал. Очередь? Он не нервничал в очередях, он использовал их для обдумывания операций. Запах? В кофейне пахло кофе и ванилью. Аллергия на ваниль? Маловероятно, но не исключено. Он записал: аллергия (ваниль?) — проверить.

Так начался самый длинный дифференциальный диагноз в его жизни. Дифференциальный диагноз — это когда у тебя есть симптом и список болезней, которые могут его вызывать, и ты методично, одну за другой, исключаешь неподходящие, пока не останется одна, истинная. Лев Борисович был виртуозом дифдиагноза. Коллеги звали его, когда не могли понять, что с пациентом, и он приходил, смотрел, задавал три вопроса и называл болезнь, и почти всегда оказывался прав.

Он не догадывался, что его диагноз не входит ни в один медицинский справочник, и что он будет исключать всё подряд — аллергию, рефлюкс, межрёберную невралгию, паническое расстройство, даже редкий феохромоцитом<sup>2</sup>, — всё, кроме единственно верного, потому что единственно верный диагноз он не способен был распознать. У него не было для него органа. Как дальтоник не видит красного — не потому что глуп, а потому что нет колбочек, — так и

---

<sup>1</sup> Недостаточное снабжение ткани (здесь — сердечной мышцы) кровью и кислородом из-за сужения или закупорки сосудов.

<sup>2</sup> Редкая опухоль надпочечника, которая выбрасывает в кровь адреналин и подобные гормоны, вызывая приступы сердцебиения, потливости и подъёма давления.

Лев Борисович не видел чувств. Они проходили сквозь него, оставляя соматический след<sup>3</sup>, и он добросовестно изучал след, не понимая, кто его оставил.

Это называется алекситимия. От греческого: «а» — нет, «лексис» — слово, «тимос» — чувство. Нет слов для чувств. Человек чувствует — но не знает, что чувствует. Эмоция есть, а имени у неё нет, и потому она является в гости в виде телесного симптома, как непрощенный родственник, забывший представиться.

Лев Борисович знал термин. Он читал про алекситимию — в контексте, кажется, психосоматики<sup>4</sup>, мельком. Он просто никогда не примерял его на себя. Зачем? Он же прекрасно функционировал. Он управлял отделением на восемьдесят коек, оперировал, читал лекции, имел квартиру, машину, репутацию и даже абонемент в фитнес-клуб. Что у такого человека может быть не так с чувствами? Чувства — это для тех, у кого больше ничего нет.

Нет, Лев Борисович не был холодным. Это важно. Холодный человек чувствует и подавляет. А Лев Борисович не подавлял — ему нечего было подавлять, в том смысле, что до подавления дело просто не доходило: чувство возникало и сразу переводилось в другой регистр, в телесный или в логический, минуя стадию осознания. Он злился — и у него поднималось давление, и он принимал таблетку от давления. Он грустил — и у него пропадал аппетит, и он думал, что отравился. Он радовался — крайне редко — и у него теплело в животе, и он списывал это на хороший обед.

Его бывшая жена, Ирина, ушла от него двенадцать лет назад с формулировкой, которую он запомнил дословно, потому что не понял:

— С тобой как с очень умным холодильником. Всё работает, всё на месте, лампочка горит. Но внутри минус восемнадцать.

— Холодильник нужная вещь, — ответил он тогда, искренне не понимая, в чём упрёк.

— Вот именно, — сказала Ирина и заплакала, а он смотрел на её слёзы и анализировал: слёзная жидкость, носослёзный канал, рефлекторное либо эмоциональное слезотечение, в данном случае, судя по контексту, эмоциональное. Он понимал, ЧТО она чувствует — теоретически, как понимают чужой язык по словарю. Но не понимал, что чувствует сам. И, главное, не понимал, что тут есть разница, что у нормальных людей это одно и то же — понять чужое чувство и почувствовать своё, а у него это были две разные операции, и вторую он выполнять совершенно не умел.

После развода он не страдал. То есть, как он теперь понимал, страдал, конечно, — но в виде бессонницы, которую лечил мелатонином<sup>5</sup>, и в виде болей в спине, которые лечил массажем, и в виде странной тяжести по воскресеньям, которую не лечил никак, потому что не считал симптомом. Воскресная тяжесть просто была. Как погода. Он привык.

Двенадцать лет он прожил в идеальном одиночестве идеально функционирующего человека. У него были коллеги, которых он уважал, и пациенты, которых он спасал, и расписание, в котором каждый час был занят чем-то осмысленным. Ему было хорошо. По крайней мере, он так считал — а у кого ещё спрашивать, как не у себя, и если он считал, что ему хорошо, то кто бы мог его опровергнуть? Никто. Кроме грудной клетки, которая теперь сжималась, и которую он завёл в файл под именем «Состояние».

Стоит привести пример того, как он работал с людьми, чтобы стало ясно, какого масштаба была его слепота, — слепота, которая в любви оказалась скорее смешной, а в профессии много лет оставалась незаметно жестокой.

---

<sup>3</sup> Телесный, относящийся к телу (от греч. soma — тело), в противоположность психическому, душевному.

<sup>4</sup> Раздел медицины, изучающий влияние душевных переживаний на возникновение и течение телесных болезней.

<sup>5</sup> Гормон, регулирующий сон; его препараты применяют при бессоннице и нарушениях суточного ритма.

К нему однажды пришла пациентка — пожилая женщина, направленная с подозрением на стенокардию. Лев Борисович обследовал её безупречно: нагрузочные пробы, эхо, холтер<sup>6</sup>. Сердце было относительно здоровым для её возраста. Боли — были. Реальные, она не симулировала, он это видел. Но коронары чистые<sup>7</sup>.

— У вас нет стенокардии, — сказал он ей. — Сердце в порядке. Боли неишемические.

— А отчего же болит, доктор? — спросила женщина.

— Не по моей части, — сказал Лев Борисович и выписал ей направление к терапевту. Логически — все безупречно. Его дело — исключить кардиальную причину. Исключил. Дальше не его дело.

Женщина ушла, и он забыл о ней через минуту, потому что она была закрытым случаем, решённой задачей.

А Майя, годы спустя, услышав эту историю в числе прочих, поинтересовалась у него:

— А вы спросили её, что у неё в жизни? Отчего могла бы болеть грудь, если не сердце?

— Зачем? — удивился Лев Борисович. — Это не моя специальность.

— У неё муж умер за месяц до этого, — сказала Майя. Она не знала этого наверняка, но угадала, и потом, по описанию, оказалась права — Лев Борисович навёл справки и обошёл: муж пациентки действительно умер за пять недель до визита. — У неё болело сердце, доктор. В прямом смысле, который вы считаете переносным. Горе давит на грудь физически. Это называется «синдром разбитого сердца», такоубо, у него даже код есть, кардиомиопатия от острого горя, вы это знаете лучше меня. А вы исключили ишемию и отправили её к терапевту, не спросив, что у неё с жизнью. Вы вылечили её коронары, которые были здоровы, и не заметили её разбитого сердца, которое было настоящей болезнью.

Лев Борисович тогда долго молчал. Потому что синдром такоубо он знал прекрасно — острая сердечная недостаточность, спровоцированная сильнейшим эмоциональным потрясением, сердце буквально меняет форму от горя, становится похожим на японскую ловушку для осьминогов, отсюда, собственно, и название. Он знал болезнь, при которой сердце разбивается в буквальном, кардиологическом смысле. И всё равно не связал. Потому что для связи нужно было спросить человека про чувства, а спрашивать про чувства он не умел — ни у пациентов, ни у себя.

Сколько их прошло через его руки — людей с разбитыми сердцами, у которых он лечил просто насос...? Он не знал. Он не спрашивал. Он чинил гидравлику и не видел, что иногда поломка — в той части, которой по учебникам просто нет, а по жизни есть, и она называется тем самым словом, над которым он смеялся.

\* \* \*

В среду он пошёл в ту же кофейню. Из научных соображений.

Он сформулировал гипотезу: если симптом аллергический (ваниль) или связан со средой кофейни, он повторится. Если симптом случаен — не повторится. Чистый эксперимент. Лев Борисович любил чистые эксперименты.

Майя была за стойкой.

— Гользин Л. Б., — сказала она вместо приветствия. — Капучино, средний, две трети молока, без корицы.

И грудная клетка...сжалась. Он зафиксировал - 14:51, — почти то же время, что вчера. Гипотеза о среде подтверждалась: симптом возникал в кофейне. Но Лев Борисович, человек

---

<sup>6</sup> Методы обследования сердца: проба с физической нагрузкой (ЭКГ при усилии), эхокардиография (УЗИ сердца) и суточная запись ЭКГ по Холтеру.

<sup>7</sup> Разговорное от «коронарные артерии» — сосуды, питающие кровью самую сердечную мышцу.

строгий, понимал, что эксперимент нечист — переменных слишком много. Кофе, запах, помещение, девушка. Надо изолировать переменную.

— Скажите, — обратился он к Майе со всей серьёзностью научного работника, — у вас в напитках есть ваниль?

— В сиропах. Вам в капучино не кладут.

— А в воздухе? Ароматизаторы, свечи, диффузоры?

Майя посмотрела на него внимательно. У неё были серые глаза с тем особенным выражением, которое бывает у людей, много видевших чужую боль, — спокойное, без сентиментальности, но и без чёрствости. Глаза человека, который знает, что проходит всякое, и поэтому ничего не боится.

— Вы аллергик? — спросила она.

— Я выясняю, — сказал Лев Борисович. — У меня появился симптом. Я устанавливаю провокатор.

— Какой симптом?

— Сдавление в грудной клетке. Загрудинное. Возникает здесь.

Майя оперлась локтями о стойку. Очереди не было — мёртвый час.

— У нас нет ванили в воздухе, — сказала она. — Никаких диффузоров, хозяин жмот. Так что это не ваниль.

— Тогда что? — спросил Лев Борисович, и в его голосе впервые за много лет прозвучала нота, которую он сам не распознал, а Майя распознала сразу, потому что работала в неврологии и видела, как взрослые сильные люди теряются, когда тело начинает говорить на языке, которого они не знают. Нота называлась «беспомощность».

— А когда именно сдавливает? — спросила Майя. — В какую секунду?

Лев Борисович был честен. Честность была его базовой настройкой — он не умел врать, потому что враньё требует понимания, что чувствует собеседник, а он этого не понимал, и потому говорил всегда правду, иногда чудовищную, чем прославился среди пациентов и их родственников.

— Когда вы поворачиваетесь ко мне, — сказал он. — И когда называете мой заказ по памяти.

Майя помолчала. Потом улыбнулась — не насмешливо, а как-то очень мягко, и от этой улыбки грудную клетку Льва Борисовича сдавило так, что он чуть не сел.

— Возьмите капучино, — сказала она. — За счёт заведения. И сходите всё-таки к кардиологу. На всякий случай.

— Я кардиохирург, — сказал он. — Я лучше любого кардиолога.

— Тогда, — сказала Майя, — вы в беде.

Он не понял, что она имела в виду. Он унёс эту фразу домой и крутил её весь вечер, как непонятный анализ. «Тогда вы в беде». Почему я в беде, если я лучше любого кардиолога? Логически это означало, что моя компетентность является фактором риска. В каких случаях компетентность — фактор риска? Когда болезнь не в той области, в которой ты компетентен. То есть Майя предполагала, что у меня болезнь не по кардиологии.

А по чему?

Он открыл файл «Состояние» и записал новую строчку:

Среда, 14:51. Симптом повторился. Не ваниль (отсутствует). Чёткий провокатор: М. поворачивается / называет заказ. Гипотеза: условный рефлекс? Аллергия на человека (?). пометка на полях: «вы в беде» — что имела в виду?

И, подумав, добавил вопрос, который для нормального человека был бы смешон, а для него был вершиной самонаблюдения, на которую он сумел вскарабкаться:

Может ли человек быть аллергеном?

\* \* \*

В четверг он не пошёл в кофейню. Из принципа. Учёный не должен идти на поводу у симптома — учёный должен контролировать условия.

Он провёл день в клинике, оперировал — двойное аортокоронарное<sup>8</sup> шунтирование, четыре часа, безупречно, — и заметил, что грудная клетка в операционной не сжимается совсем. Ноль. Это было важное наблюдение, и он, моя руки после операции, проговорил его вслух ассистенту, молодому Сенину:

— В операционной симптом отсутствует.

— Какой симптом, Лев Борисович? — спросил Сенин.

— Загрудинное сдавление. Беспокоит вторую неделю. В операционной — ноль. Вне операционной — есть.

— Может, вы тут просто в своей тарелке, — сказал Сенин, стягивая перчатки. — Дома стресс, на работе отдыхаете. У меня так же. Я на дежурстве спокойнее, чем в гостях у тётки.

Лев Борисович остановился с намыленными руками. Гипотеза Сенина была примитивной, но содержала зерно. Симптом контекстно-зависим. Он отсутствует там, где Лев Борисович контролирует ситуацию (операционная — территория абсолютного контроля), и присутствует там, где не контролирует. А где он не контролирует? В кофейне. Рядом с Майей.

— Сенин, — сказал он. — Что вызывает у человека потерю контроля?

— Алкоголь, — сказал Сенин. — Усталость. Сильные эмоции.

— Какие именно эмоции?

Сенин посмотрел на заведующего с лёгким недоумением. Вопрос был странный — как если бы хирург спросил, с какой стороны держат скальпель.

— Ну... страх. Гнев. Влюблённость, — сказал Сенин и почему-то засмеялся. — От влюблённости вообще крышу сносит, какой уж тут контроль.

— Влюблённость, — повторил Лев Борисович задумчиво, как повторяют название редкого синдрома. — Какие у неё симптомы?

Сенин засмеялся громче, решив, что заведующий шутит — заведующий шутил примерно раз в год, и каждая шутка входила в анналы отделения. Но Лев Борисович не шутил. Он спрашивал всерьёз. Он действительно не помнил симптоматику влюблённости, потому что в последний раз был влюблён, по его подсчётам, лет в двадцать, до медицинского, и с тех пор это состояние не возникало, а описаний он не запоминал — несущественная информация, в учебниках кардиохирургии её нет.

— Тахикардия, — стал перечислять Сенин, всё ещё улыбаясь. — Потеря аппетита. Бессонница. Навязчивые мысли об объекте. Эйфория. Тревога в отсутствие объекта. Ну и это... — он показал на грудь, — сжимается тут. «Сердце ёкает», как говорят.

— Сердце не ёкает, — машинально поправил Лев Борисович. — Сердце не способно ёкать, у него нет для этого механизма. То, что в быту называют «ёкнуло сердце», — это экстрасистола<sup>9</sup> или субъективное ощущение сдавления, связанное с...

Он осёкся.

Связанное с чем?

Он стоял у раковины, вода текла, и впервые за две недели в его безупречной логической машине образовался зазор, маленькая щель, в которую он заглянул — и отшатнулся. Потому

---

<sup>8</sup> Операция, при которой в обход суженных коронарных артерий вшивают сосудистые «мостики», восстанавливая кровоснабжение сердца.

<sup>9</sup> Внеочередное сокращение сердца; часто ощущается как «толчок» или «замирание» в груди.

что в щели было что-то, чего он не хотел видеть. Какое-то слово. Большое, неудобное, не помещающееся в файл «Состояние».

— Лев Борисович? — позвал Сенин. — Вода льётся.

— Да, — сказал Лев Борисович и закрыл кран. — Спасибо, Сенин. Вы свободны.

Он шёл домой пешком — он жил в двадцати минутах от клиники, и обычно эти двадцать минут посвящал обдумыванию завтрашних операций. Сегодня он обдумывал список Сенина. Тахикардия — нет, у меня нормальный пульс, я измерял. Потеря аппетита — он задумался и понял, что да, последнюю неделю он почти не ест, оставляет половину, думал, что отравился, даже пил уголь. Бессонница — он спит хуже, просыпается в четыре, лежит. Навязчивые мысли об объекте — он немедленно подумал о Майе, о том, как она поворачивается, и грудную клетку сжало, прямо тут, на улице Маяковского, на углу, и он остановился и записал в телефон: 21:10, ул. Маяковского, симптом при мысли об М.

Он остановился посреди улицы, и его обтекали прохожие, и моросил мелкий дождь, оседавший на пальто бисером, и Лев Борисович стоял и впервые в жизни проводил процедуру дифференциального диагноза, в котором одним из вариантов — пока ещё одним из многих, пока ещё под вопросом, пока ещё с тремя восклицательными знаками сомнения — значилось слово, которого он избегал.

Он отверг его. Слишком рано. Недостаточно данных. Нужно исключить органику.

«Завтра, — решил Лев Борисович, — полное обследование. Кровь, гормоны, КТ грудной клетки, гастроскопия. Исключу всё телесное. И тогда посмотрим, что останется».

Он забыл о старом правиле, которое было в медицине, но к себе он его не применил: когда исключишь всё невозможное, то, что останется, и будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась. Правило приписывают Шерлоку Холмсу. Лев Борисович был во многом Холмсом — блестящий дедуктор, слепой к собственному сердцу. Холмс тоже, если вдуматься, был алекситимиком. Великие диагносты часто ими бывают. Чтобы так ясно видеть других, удобно не видеть себя...

\* \* \*

Обследование заняло три дня и обошлось ему в круглую сумму, хотя как сотрудник он мог сделать почти всё бесплатно — но он не хотел огласки, не хотел, чтобы коллеги знали, что заведующий кардиохирургией обследует сам себя по поводу неназванного симптома. Он пошёл в частный центр, под своей фамилией, но там его никто не знал.

Результаты были оскорбительно прекрасны.

Кровь — идеальная. Гормоны щитовидной железы — в середине нормы. Кортизол<sup>10</sup> — слегка повышен, но в пределах. Катехоламины — норма (он специально проверил, исключая феохромоцитому, ту самую редкую опухоль, что выбрасывает адреналин и даёт приступы; опухоли не было, к лёгкому его сожалению, потому что опухоль была бы диагнозом). КТ грудной клетки — чисто. Гастроскопия — небольшой рефлюкс, но он был всегда, он не объяснял загрудинное сдавление, привязанное к появлению конкретного человека.

Лев Борисович разложил все результаты на столе, как пасьянс, и смотрел на них... долго. Всё было исключено. Сердце — здорово. Лёгкие — чисты. Желудок — почти в порядке. Гормоны — в норме. Аллергия (он сдал и на аллергены, включая ваниль) — отсутствует.

Оставалось невозможное.

Он взял чистый лист — он любил бумагу для серьёзных решений, экран был для черно-белых — и написал сверху: «Исключено». И перечислил: ишемия, аритмия, ТЭЛА, рефлюкс,

---

<sup>10</sup> Гормон надпочечников, выделяющийся при стрессе; влияет на обмен веществ и давление.

невралгия, аллергия, эндокринное, онкология, паническое расстройство (он прошёл и опросник, набрал мало баллов — он не паниковал, у него не было страха, только сдавление).

Под чертой он оставил пустое место для диагноза. И впервые за всю карьеру не смог его вписать.

Точнее — не смог заставить себя вписать. Потому что слово было. Сенин назвал его вслух, смеясь. Майя на него намекнула. Грудная клетка кричала о нём на языке давления. Все данные указывали на него. Но Лев Борисович не мог взять ручку и написать это слово на медицинском бланке, потому что оно не было медицинским, оно было из другого словаря, из того, которым он не пользовался, словаря Ирины с её холодильником, словаря поэтов, ошибавшихся насчёт сердца.

Он сидел над пустой строкой диагноза до часу ночи. Потом закрыл папку. И сделал то, что делал всегда, когда не мог решить задачу один: решил привлечь консультанта.

Только консультанта по этой части он не знал. В его записной книжке были кардиологи, анестезиологи, реаниматологи, сосудистые хирурги — лучшие в городе. Не было ни одного человека, к которому можно прийти и сказать: «У меня сжимается грудь, когда определённая женщина поворачивается ко мне, я исключил всю органику, помогите поставить диагноз».

То есть один человек был.

Та, что и являлась провокатором.

В этом была логическая загвоздка, достойная отдельного исследования: единственный доступный ему эксперт по симптому был источником симптома. Всё равно что просить аллерген диагностировать аллергию. Но Лев Борисович был эмпириком. Если эксперт доступен только один, нужно идти к нему... даже если он же и патоген.

В пятницу он пошёл в кофейню с папкой результатов под мышкой.

\* \* \*

Очереди не было — он специально выбрал мёртвый час, 15:00, изучив за неделю наблюдений график загрузки кофейни (он составил график; он не мог поступить иначе). Майя протирала стойку. Увидев его с папкой, она приподняла бровь.

— Гользин Л. Б. С документами.

— Майя, — сказал Лев Борисович, кладя папку на стойку с осторожностью, с какой кладут результат, меняющий прогноз. — Я провёл полное обследование. Хочу проконсультроваться. Вы работали в неврологии, вы поймёте терминологию.

— Я медсестра, а не врач.

— Хорошая медсестра понимает больше плохого врача, — сказал он, и это был, по его меркам, изысканный комплимент, на который он потратил, не сознавая того, изрядное количество душевных сил.

Майя посмотрела на него. Потом налила два капучино — себе и ему, — вышла из-за стойки и села за дальний столик.

— Садитесь, доктор. Показывайте.

Он сел и разложил результаты. Он объяснял обстоятельно, как объяснял бы консилиуму: вот ЭКГ, синусовый ритм; вот тропонины, отрицательные, ишемия исключена; вот КТ, лёгкие чисты, ТЭЛА исключена<sup>11</sup>; вот гормоны; вот аллергопанель, ваниль отрицательная. Он вёл её по своему диагностическому пути, шаг за шагом, исключая болезнь за болезнью, и Майя слушала молча, держа чашку обеими руками, и грела об неё пальцы. Льва Борисовича при виде её греющихся пальцев сдавило, и он, не прерывая доклада, отметил вслух:

---

<sup>11</sup> Тромбоэмболия лёгочной артерии — закупорка сосуда лёгких оторвавшимся тромбом; опасное состояние, дающее внезапную боль в груди и одышку.

— Вот сейчас. Симптом. При взгляде на ваши руки. Зафиксировал: 15:08.  
Майя поставила чашку.

— Лев Борисович, — сказала она. — Можно я задам вам вопросы? Как в неврологии, когда собирают анамнез.

— Конечно. Анамнез — основа<sup>12</sup> диагноза.

— Вы спите?

— Плохо. Просыпаюсь в четыре.

— Едите?

— Мало. Думал, отравление. Пил уголь. Не помогло.

— Думаете о ком-то?

Лев Борисович помолчал. Честность была его установкой.

— О вас, — сказал он. — Непропорционально часто. Я анализировал: за прошлую неделю мысли о вас занимали, по моим оценкам, около тридцати процентов времени бодрствования, не связанного с операциями. В операционной — ноль. Вне операционной — тридцать. Это аномально. Я обычно думаю о пациентах и о научных задачах. Тридцать процентов на одного человека — статистический выброс.

Майя слушала с лицом всё более странным. На нём боролись смех и что-то нежное, и боролись не до конца понятно в чью пользу.

— Когда вы меня видите, — продолжила она, — что происходит с дыханием?

— Учащается, — сказал он, проверив. — Сейчас, например. И поверхностное.

— А когда я улыбаюсь?

Она улыбнулась — нарочно, в порядке диагностической пробы.

Грудную клетку сдавило так, что Лев Борисович положил руку на грудину.

— Вот, — сказал он сипло. — Максимальная интенсивность. При улыбке. Майя, это важная находка. Провокатор — не среда кофейни. Провокатор — конкретно вы. Точнее, определённые ваши действия: поворот, улыбка, греющиеся руки, название заказа по памяти. Я не понимаю механизма. Аллергия на человека невозможна — то есть бывает аллергия на чужой белок, но не дистантная, не на улыбку. Условный рефлекс? Но на что условный, если первый контакт уже вызвал реакцию? Майя, у меня нет диагноза. Впервые в жизни. Помогите.

И тут Майя сделала то, чего он не ожидал. Она накрыла его руку — ту, что лежала на груди, — своей ладонью. Тёплой, чуть влажной от чашки.

И сказала тихо:

— Лев Борисович. Миленский. У вас не инфаркт.

— Я знаю, тропонины...

— У вас не инфаркт, — повторила она. — У вас влюблённость.

Лев Борисович замолчал.

Слово было произнесено. Тем же словом, что назвал Сенин (смеясь), на которое намекала грудная клетка (давлением), которое он сам отверг как преждевременное. Теперь его произнёс эксперт — единственный доступный эксперт, она же патоген, — произнёс серьёзно, держа его руку.

Логика требовала принять диагноз: все исключения сделаны, осталось невозможное, невозможное и есть правда. Но что-то в нём сопротивлялось, какой-то последний бастион, последняя линия обороны человека, который двадцать лет прожил, считая, что у него нет той части, которая болеет такими болезнями.

— Это не входит в дифференциальный ряд, — сказал он наконец. — Влюблённость — не диагноз. Нет кода МКБ<sup>13</sup>.

---

<sup>12</sup> Сведения о жизни больного и истории его болезни, которые врач собирает при расспросе для постановки диагноза.

<sup>13</sup> Международная классификация болезней — официальный перечень, где у каждого заболевания есть свой код. «F» —

— Есть, — сказала Майя. — Только его не ставят. F какой-нибудь. Расстройство, при котором человек теряет аппетит, сон и тридцать процентов мыслей. По всем критериям — болезнь. Просто приятная.

— Приятная? — Лев Борисович смотрел на её ладонь на своей руке. — Мне не приятно. Мне сдавливает грудь.

— Это и есть приятно, — сказала Майя. — Вы просто не умеете это так называть. Вы называете это сдавливанием. А люди называют это... — она подыскала слово, — замиранием. Когда замирает. Когда от человека замирает.

— Замирает, — повторил Лев Борисович, как повторял латинские термины. — Загрудинное замирание.

Майя засмеялась — и от её смеха ему сдавило грудь, и теперь он не записал время, а просто положил вторую руку поверх её руки, накрыв её ладонь, и они сидели так — две его руки и одна её, — и Лев Борисович чувствовал, как замирает, и впервые не сопротивлялся слову, которое замиранию соответствовало.

Хотя и не верил в него до конца. Учёный в нём требовал воспроизводимости. Один сеанс — не доказательство. Нужна серия.

— Майя, — сказал он. — Чтобы подтвердить диагноз, нужна повторяемость. Согласны ли вы на серию... встреч? В исследовательских целях. Я буду фиксировать симптомы и проверю гипотезу влюблённости методом многократного наблюдения.

Майя посмотрела на этого сорокасемилетнего мужчину, заведующего кардиохирургией, светило, который только что предложил ей свидания, назвав их «серией встреч в исследовательских целях», и который держал её руку обеими своими, и у которого было лицо человека, заблудившегося в собственной груди.

— Согласна, — сказала она. — На серию. Только, доктор, у этого исследования есть побочный эффект.

— Какой?

— Привыкание, — сказала Майя. — Сильное. Лечится плохо.

— Я готов к рискам, — сказал Лев Борисович серьёзно. — Я подпишу информированное согласие.

И Майя поняла, что пропала, потому что устоять перед мужчиной, который предлагает подписать информированное согласие на любовь, было совершенно невозможно.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

### Серия встреч

Лев Борисович подошёл к свиданиям как к клиническому исследованию, и это, как ни странно, оказалось лучшее, что могло случиться, — потому что единственный язык, на котором он умел приближаться к жизни, был языком метода, и через метод он, окольно, неуклюже, начал приближаться к чувству.

Он завёл новый файл. Старый, «Состояние», он переименовал в «Состояние (архив)» и открыл новый: «Протокол М.». В шапке написал:

Цель: верификация диагноза «влюблённость» методом многократного контролируемого наблюдения. Объект: Майя [фамилию он узнал на третьей встрече — Соколова]. Метод: совместное времяпрепровождение с фиксацией симптоматики.

Первое свидание (он называл его «сеанс № 1») состоялось в субботу. Он повёл Майю в ресторан — хороший, дорогой, выбранный по рейтингу, — и весь вечер фиксировал симптомы в телефон под столом, думая, что делает это незаметно.

— Вы что там пишете? — спросила Майя на втором часу.

— Симптомы, — честно сказал Лев Борисович. — Хотите посмотреть?

Он протянул телефон. Майя прочитала:

19:30 — М. сняла пальто. Сдавливание 7/10.

19:45 — М. засмеялась над официантом. Сдавливание 8/10 + жар в области лица (прилив? субфебрилитет?).

20:10 — М. рассказала про деда. Сдавливание сменилось расширением (?). Новое ощущение, в анамнезе отсутствует. Тёплое. Локализация: верх живота / низ груди.»

20:30 — М. коснулась моей руки, передавая хлеб. Тахикардия, впервые. 96 уд/мин (измерил по часам).

Майя читала и смеялась, и Лев Борисович фиксировал: 20:42 — М. смеётся, читая мои записи. Сдавливание 9/10. Парадокс: неприятное ощущение при приятном стимуле. Требуется объяснения.

— Лев Борисович, — сказала Майя, отдавая телефон. — Вы понимаете, что вы ведёте дневник влюблённого, только в виде истории болезни?

— Я веду протокол наблюдения.

— Это одно и то же. Просто люди обычно пишут «у меня всё внутри ёкнуло, когда она засмеялась», а вы пишете «сдавливание 9/10». Содержание идентичное.

Лев Борисович задумался.

— Возможно, — сказал он. — Но моя запись точнее. «Ёкнуло» — это сколько по шкале? Непонятно. А 9/10 — воспроизводимо.

— А зачем вам воспроизводимость, — тихо спросила Майя, — в чувстве?

Лев Борисович не нашёл ответа. Он смотрел на неё — на серые глаза, на руки, гревшиеся теперь о бокал, — и в груди у него было сразу и сдавливание, и расширение и он не мог их разделить, не мог понять, как одновременно бывает тесно и просторно, больно и хорошо, и эта неразделимость пугала его больше любого симптома, потому что не поддавалась дифференцировке. А что не дифференцируется, того он боялся. Это была его главная фобия, если бы он умел распознавать фобии - неразличимость.

— Я не умею, — сказал он вдруг, и сам удивился, что сказал. — Майя. Я не умею это чувствовать, как чувство. У меня это всегда... тело. Или логика. Я знаю, что люди что-то ощущают вот тут, — он показал на грудь, — и называют это словами. Любовь. Тоска. Радость. Я знаю слова. Я знаю определения. Но у меня нет... — он искал термин и нашёл медицинский,

— нет рецепторов. Я как человек без болевых рецепторов. Есть, такие люди, с врождённой анальгезией<sup>14</sup>. Они режутся, обжигаются и не знают, потому что не чувствуют боли, и потому погибают молодыми — боль защищает, а у них её нет. Вот я такой же, только наоборот. Я не чувствую не боль. Я не чувствую... всё остальное.

Это была самая длинная и самая личная речь, которую Лев Борисович произнёс за долгое время. Он сам испугался её длины. Майя смотрела на него уже без улыбки.

— Это называется алекситимия, — сказала она тихо. — Я знаю. У нас в неврологии было несколько. После инсультов бывает, но бывает и просто так, характер. «Нет слов для чувств».

— Я знаю термин, — сказал Лев Борисович. — Я просто не думал, что это про меня. Я думал, я нормальный. Я отлично функционирую.

— Холодильник тоже отлично функционирует, — сказала Майя.

Лев Борисович вздрогнул. Слово в слово Ирина. Двенадцать лет назад.

— Моя жена говорила то же самое, — сказал он. — Бывшая. Слово в слово. Про холодильник.

— Значит, она была неглупая, — сказала Майя. — Просто не дождалась разморозки.

Надо рассказать про его вторую жизнь — про ту, где он был не влюблённым подопытным, а грозным Львом Борисовичем, заведующим, перед которым трепетало отделение.

Потому что параллельно с «Протоколом М.» в его жизни разворачивалась совсем другая история, и она тоже упиралась в его алекситимию, только с обратной, несмешной стороны.

Клиника была государственная, но при ней работал коммерческий центр, и Льва Борисовича полгода назад назначили не только завотделением, но и медицинским директором всего центра — то есть, по сути, топ-менеджером. Он управлял бюджетами, кадрами, закупками. И управлял блестяще — потому что менеджмент, как и хирургия, как и диффдиагноз, был логической задачей, а логические задачи он решал лучше всех.

Но у менеджмента была часть, которую он не видел, как не видел собственных чувств: люди.

Он увольнял сотрудников с той же спокойной точностью, с какой резецировал поражённую ткань. Неэффективен — удалить. Он не понимал, почему после его увольнений отделение мрачнело, почему оставшиеся работали хуже, а не лучше, хотя он убрал слабых и оставил сильных, — по логике, эффективность должна была расти. Но она почему-то падала. Он этого совершенно не понимал, потому что не видел того, что видели все: что он увольнял людей, как вещи, не замечая, что за каждым тянутся нити к другим, страх, обида, чувство, что завтра уволят и тебя. Он оперировал коллектив без анестезии, искренне не понимая, что коллективу больно, потому что сам не знал, что такое больно в этом смысле.

Был такой случай. Медсестра, проработавшая в отделении тридцать лет, Антонина Павловна, начала ошибаться — возраст, руки дрожали. Лев Борисович вызвал её и сказал ровно, по делу:

— Антонина Павловна, вы трижды за месяц перепутали дозировку. Это недопустимо в кардиохирургии. Я вынужден вас перевести на нелечебную работу или предложить уйти. Правда нелечебной работы у нас нет...

Антонина Павловна заплакала. Тридцать лет. Она пришла сюда еще девочкой, она помнила это здание ещё до ремонта, она вырастила в этих стенах три поколения сестёр.

Лев Борисович смотрел на её слёзы и анализировал: слёзная жидкость, эмоциональное слезотечение, причина — увольнение. Он не чувствовал ничего. То есть — он был уверен, что не чувствует ничего. На самом деле у него в этот момент свело желудок, и он подумал, что зря съел салат в столовой, несвежий, наверное.

---

<sup>14</sup> Редкое врождённое состояние, при котором человек не чувствует боли и потому легко получает опасные травмы.

Антонина Павловна ушла. Отделение возненавидело Льва Борисовича ещё на одно деление. А он записал в рабочий файл: оптимизирована 1 штатная единица, экономия X в год. И принял омепразол.

Эту историю — про Антонину Павловну — он рассказал Майе на сеансе № 4. Не как исповедь — он не умел исповедоваться, — а как казус, любопытный случай управленческой логики. Он ожидал, что Майя оценит рациональность решения.

Майя долго молчала. Потом спросила:

— А что у вас было с желудком, когда она плакала?

Лев Борисович удивился точности вопроса.

— Свело, — сказал он. — Я думал, салат.

— Не, не салат, — сказала Майя. — Лев Борисович. У вас совесть в желудке. Вам было стыдно. Очень стыдно. Просто стыд пришёл к вам в виде спазма, а вы не открыли ему дверь, потому что не узнали в лицо. Вы выпили таблетку от собственной совести.

Лев Борисович сидел оглушённый. Он перебрал в памяти все случаи желудочных спазмов за двадцать лет — а их были сотни, — и обнаружил, накладывая их на события, страшную корреляцию: желудок сводило всегда, когда он поступал жёстко с человеком. Без исключений. Гастрит был картой его непрожитого стыда. Он лечил совесть антацидами. Он глушил мораль ингибиторами протонной помпы<sup>15</sup>

---

<sup>15</sup> Группа препаратов (в их числе омепразол), подавляющих выделение желудочной кислоты.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.